

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ:
ОБОБЩЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВЫВОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ**

М. А. Казаков

**INSTITUTIONALIZATION OF REGIONAL POLITICAL ELITES IN THE PROCESS OF RUSSIAN
NATIONAL INTERESTS IMPLEMENTATION: GENERALIZATION OF SOME FINDINGS OF THE STUDY**

М. А. Kazakov

В статье даны обобщения некоторых выводов почти одноименного исследования проведенного под руководством автора, представленные научно-экспертному сообществу для обсуждения и использования в дальнейшем изучении феномена с целью оптимизации практик и процессов, стратегически важных для политического развития страны.

The paper provides some generalizations about the findings of the research supervised by the author presented to the scientific and expert community to discuss the use and further study of the phenomenon in order to optimize practices and processes that are strategically important for the country's political development.

Ключевые слова: институционализация, национальные интересы, политический процесс, развитие, региональные элиты, федерализм.

Keywords: institutionalization, national interests, political process, development, regional elites, federalism.

Дискурсу предшествует некая сакральность в отношении феномена институционализации и неоднозначность в рассмотрении элит. Наблюдение эволюции постсоветских элит и лидеров субъектов РФ, их адаптации к меняющимся реалиям, позволяет углубить, дифференцировать и в чем-то приблизить появление обобщенной парадигмы их развития. Переосмыслить асимметрию элитистских практик, вызовы и рецидивы их контекста, которые с учетом глобальных, страновых и внутри-региональных изменений сделали *квинтэссенцией политического процесса современной России процесс реализации ее национальных интересов*. В качестве такового он изучается нами с кризисных явлений 2008 – 2009 гг., что одновременно закрепило на периферии федеративные процессы и отношения как связи и взаимодействие между носителями разделенной власти в РФ.

Поиск ответов в заявленной теме связан с комплексным подходом. Содействующему и изменения в методологии. В ней, помимо комплексного анализа, способного к решению разнородных задач путем объединения в одно целое элементов разной природы, институциональный и неинституциональный подходы в их комбинациях с другими, заложили, по сути, фундамент для строительства института элит. Он: а) определяет организацию деятельности и отношений элит в сфере политики и экономики, воплощающих ныне (пусть и через несовершенный рынок особых продуктов и услуг) нормы и правила поведения управляющих и управляемых; б) ориентирует на идентификацию интересов и смыслов, которые образуют, по П. Бергеру и Т. Лукману «общие релевантности». Где опосредованно – институционализация это взаимная типизация обычных действий деятелями разного рода» [1, с. 92].

На вопрос: «как это происходит?» – определенным образом и отвечает процесс институционализации элит. Он имеет в качестве объяснительного принципа «институции» – «традиции» – «инновации», которые соотносят индивидуальную по своей природе деятельность и поведение с набором правил, что являясь их обобщением, обеспечивают социальную координацию и политическую интеграцию (*прим. автора: Важней-*

шим понятием среди них является «политический институт» как идеальная модель системы отношений и коммуникаций (общения) людей по поводу власти и управления, опирающаяся на совместные ценности, организационные принципы и рациональные нормы (установления)). Она существует и воспроизводится в политической практике посредством коллективной воли в системе норм и принципов, ценностей, интересов, целей). Из их институтов, различающихся по критериям традиционного и современного общества (П. Штомпка), складывается реальный общественно-политический порядок.

«Институционализация элит» в качестве понятия, употребляемого в отечественной элитологии, политологии для выделения и анализа специфического властного процесса, раскрывающего атрибутивные черты, свойства и отношения явления, восходящего к институту, складывается на рубеже XX – XXI веков. Оно меняет традицию исследования элиты как *особой социальной группы* (общности) в терминах возникновения, становления, формирования на более адекватные логике ее развития и организации в настоящих отношениях политические категории. Это согласуется с тем, что современный политический анализ исходит из сопряженности пространственных и политических категорий, важных своей однозначностью; термином *институционализация* в политической науке «модерна» как: 1) учреждение каких-либо новых общественных институтов; 2) правовое и организационное закрепление тех или иных отношений.

Уже эти ориентиры, требующие к себе более пристального внимания, чему мешают рамки статьи, позволяют перейти к объекту и предмету проведенного исследования. Как его объект политическая элита субъектов Федерации – это социальная группа «класса управляющих», центр политического руководства и управления субъекта РФ, включенный в комплекс отношений со средой, обладающий определенной властью и осуществляющий управленческие функции в социально-политических границах региона.

Как предмет исследования это «становящийся» институт, чье развитие обусловлено созданием основ

«общества модерна» и свойственной ему политической жизни, исполнением своей миссии в соответствии с национальными интересами страны и ее безопасностью, которая не может прогрессировать далее без организации эффективной системы обратных связей «общество – государство». В этом обнаруживается главный смысл институционализации как мерно-поступательного процесса и суть политической элиты как института, служащего организационному оформлению и обеспечению структуры социально-политического взаимодействия страны и ее регионов.

Институционализация региональных элит (в Российской Федерации – элит субъектов РФ) (*прим. автора*: В исследовании мы акцентируем внимание на политической элите субъектов Федерации, т. е. элите *федерированного* государства, сохраняющей «некоторые атрибуты внутреннего суверенитета. Разграничение компетенции доверено конституционному и договорному урегулированию, в политическом смысле исходящему из реального соответствия сил и возможностей между федерацией как целым и ее участниками» [7, с. 250]), понимается в работе как процесс установления особого типа властных отношений, согласительный и рефлексивный характер которого на начальном этапе, сменяясь затем нормативным регулированием отношений управляющих и управляемых, приводит к закреплению социально-организованного субъекта политической деятельности, ориентирующего поведение людей территориального сообщества на определенные правила. Разнообразие ее проявлений может быть представлено посредством оснований классификации по условиям и содержанию отношений, взаимодействия, их пространственно-временной локализации и масштабу, институциональным, структурным и субъектным характеристикам.

В соответствии с задачами исследования дается определение политической элиты субъекта Федерации. В рамках выбранной теоретико-методологической базы оно используется в прояснении проблематики институционализации элит регионов и уточнении оснований их функционирования в процессе реализации национальных интересов России (ПРНИР). Политическая элита субъекта Федерации – интегрированная структура социально-политических ценностей, отношений и инструментов, носителем которой является самовоспроизводящая доминирующая общность. Она состоит из «связанных групп», концентрирующихся на принятии решений, ориентации и интеграции групп интересов на основе базовых и продуцируемых ими политических ценностей, непосредственном осуществлении функций управления в границах региона, что материализуется в системе институтов контроля, влияния и преемственности руководства.

ПРНИР представляет собой сложное явление, отличающееся своеобразием стадий и фаз: а) формулирование национальных интересов; б) определение их целей; в) выбор средств и способов достижения; г) внесение коррективов и т. д.

Обеспечивается нормативно-правовой и экономической базой, разнообразием методов и средств, квалифицированными кадрами руководителей, технологов, исполнителей, осуществляющих цели комплексных целевых программ и приоритетных проектов (ПНП). Процесс реализации национальных интересов связан не только с существующим миропорядком,

геополитическим и экономическим положением страны, борьбой за ресурсы (в силу чего строятся различные перспективы национальных интересов) [4, с. 24 – 29], но и тем механизмом функционирования, что сопряжен с участием в нем элит и граждан.

Характер связей между элитами разных уровней власти РФ, их отношений с социальными группами, соотношение их сил и возможностей – принципиальный аспект институционализации элит субъектов Федерации. В нашем случае он прослеживается и фиксируется в сложном взаимодействии процессов осмысления, формулирования и выработки необходимых средств (способов) реализации национальных интересов на постсоветском пространстве с процессами возникновения, становления, формирования самих элит территорий в интеракции с людьми, властными инстанциями Центра и других регионов. Они воздействуют (с переменным успехом) как на первый ряд процессов, так и на динамику собственного воспроизводства в условиях тревожного бытия федерализма.

Попытка верного соотношения указанных процессов потребовала выработки рабочего определения институционализации национальных интересов. Применительно к ним, институционализация означает установление и закрепление системы, целью которой предстает комплекс конституционных общественных отношений, выраженный в наличии структуры национальных интересов и взаимодополняющих друг друга институтов их исполнения, обеспечения, достижения и защиты. Их установление (соотнесенное с нормами Основного Закона и международного права; показателями изменения организационного типа национальных и международных отношений) (*прим. автора*: Неореалисты и конструктивисты в качестве таких необходимых показателей выделяют: общий организационный принцип, качественные характеристики акторов, соотношение их сил и возможностей (К. Вальц), характер культуры, способный оказывать влияние на формирование общего института (Э. Этциони)) необходимое условие институционализации элит региона как субъекта. Выходя на национальную или мировую арену с набором неких ценностей и идей, этот «актор распространяет их, взаимодействуя с другими субъектами, благодаря чему рождаются коллективные знания, представления и убеждения, разделяемые большинством участников, но и объединяющие, связывающие их, – формируется общность культуры» [10].

В границах изменения организационного типа национального руководства дается обоснование понимания института политического лидерства как неотъемлемого элемента институционализации элит, адресно посылающего этому процессу регулирующие импульсы и наоборот. И элит федерации как субъекта процесса реализации национальных интересов, прошедшего через стадии политического самоопределения и самоорганизации, соотношения их возможностей с элитой и лидерами Центра. Для уточнения базы их функционирования, следуя логике переменных Т. Парсонса, проанализированы изменения в статусе и осуществлении полномочий в национально-государственном масштабе 90-х гг. XX века, в современном региональном политическом процессе и в ПРНИР.

Статус элит субнационального уровня в современном федеративном государстве характеризуется: а) наличием у них определенных коммуникационно-

технологических возможностей – способностей к взаимодействию с центром, обеспечению горизонтальных отношений между собой и подобными структурами во внешнем мире; б) зависимостью от переменной местной поддержки и паритета национальных/региональных интересов – быть их представителями и выразителями; в) наличием институционализированной связи между населением и федеральным центром; г) обязанностью реализации общенационального курса в субъекте Федерации.

Они имеют орган регионального представительства (в РФ – Совет Федерации), располагают конституционно закрепленной компетенцией региональных органов власти (органов власти субъекта Федерации). В целом, по положению, ресурсам и инструментам это «самоорганизующийся» элемент институциональной структуры, способный правильно соотносить цели и возможности, воздействовать на процессы, происходящие в центре и на местах, вполне определенным, конкретно-функциональным образом. Закономерен вопрос о критериях и функциях институционализации элит.

В национально-государственном масштабе переходного социума она связана как «с принципиальным общественным переустройством, так и с возникновением новых общественных потребностей и становлением отношений, взаимодействий по их удовлетворению, а также появлением индивидов и групп, осуществляющих эти взаимодействия» [8, с. 52]. Чуть позже А. В. Дука «сам себя» уточнил: «Под институционализацией элит здесь будут пониматься процессы становления властных групп, возникновения и поддержания устойчивых практик этих групп и норм их регулирования по авторитетному распределению общественных ресурсов, структурированию общественной жизни и собственного воспроизводства. Такое понимание основывается на представлении институтов как рутинной структурированной... деятельности, предполагающей определенность взаимодействия индивидуальных и коллективных акторов» [3, с. 25]. Иначе говоря, их *спецификацию* как сформировавшуюся специализацию ролей и отношений, четкое разделение труда (не без корпоративных механизмов), обеспечивающих это взаимодействие.

В общем плане критериями институционализации политических элит могут быть нормы организации политической жизни и функционирующие на этой основе учреждения, организации, персоны, устоявшиеся традиции, принципы и правила политического поведения, которые характеризуют качество политической системы и выступают регуляторами политической жизнедеятельности общества. В дополнительном анализе выстраивается их иерархия. В ней аскриптивные критерии уступают место *достиженческим*. Посредством них обеспечивается интериализация ценностей компетентности, командной игры и личной (без) ответственности, рациональности и универсальности; проявляются особенности независимости, самоорганизации и взаимовлияния, подтверждающие потенциал элитизма, связанный с воспроизводством его институтов и «перехватом» функций управления. Неинституционалисты видят в них правила определенного типа взаимодействия и иерархии в обществе, носителем которых на уровне регионов являются их элиты. Их установление для стабилизации своего по-

ложения и «игры по правилам» как других не менее влиятельным субъектов, так и тех политических, экономических акторов, обладающих таким влиянием ранжировано.

Политическая элита «общества модерна» (будучи уже сформированной) в индексах, отражающих ее существенные изменения, имеет высокий уровень реализации своего адаптационного ресурса. Средние показатели – по способности (решительности и умению) к ревизии элементов стагнации; к функционированию в режиме представительства всего многообразия общественных и национальных интересов. Это лишь подчеркивает актуальность исследований роли элит регионов и практик их исполнения в процессе реализации национальных интересов РФ, которые как основание курса страны выступают в качестве *показателя определенности внешней и внутренней политики* [9, с. 183].

Разбор имеющихся в литературе трактовок позволяет сделать вывод о целесообразности в их обобщении следовать системному подходу. Исходя из чего, *национальные интересы это система осознанных потребностей личности, общества и государства устойчивом и безопасном развитии*. Где *устойчивость и безопасность развития* это не только базовые критерии ПРНИР, но и необходимые показатели институционализации элит как специфического процесса, закрепляющего ее превосходство в социальных отношениях. Почему и не исключаются в удовлетворении/достижении интересов отдельных групп антиэлитистские цели. В связи с чем, следует различать и подвергать тщательному анализу средовые (социальные, политические, экономические, идеологические, организационно-управленческие, ситуационные) и субъективные факторы, детерминирующие институционализацию элит, как в процессе реализации национальных интересов, так и сфере политики в ее «общем и особенном».

В общем виде, институционализация определяет особый тип связей личности, общества и государства, что можно объединить во властных отношениях, каковые мыслятся на основе различных моделей в зависимости от места, которое политика занимает в обществе и в отношении к рядовым гражданам. В этом смысле роль элиты как института проявляется в выработке и трансляции в общество определенных систем знаний и правил. В их рамках проведение и управление изменениями (инновациями) осуществляется в соответствии с национальной культурой и сопряженного с ней институционального порядка. В «особенном» – все гораздо сложнее. Структурирование политики, в большей степени опирается на внутреннюю организацию деятельности элит, имеющей в качестве пред-конструкции образы и представления, нормы и правила, паттерны и примеры взаимодействия из арсенала социального неравенства. Именно они определяют позицию элит к требуемым обществом изменениям, которые в силу опосредующей их рассогласованности понимаются и отражаются в их поведении не одинаково, а соответственно имеющейся у субъектов культур(ы). Ее содержание обуславливает появление различий в практиках и оценках преобразований.

Изучение их исторических и современных примеров свидетельствует, что прохождение социальных инноваций в обществе, зависят, прежде всего, от дея-

тельности правящей элиты, в другом случае – от активности одной из ее групп, в ряде других – от удачной или неудачной попытки представителей контр-элиты занять ключевые позиции в государстве, используя недовольство масс. В любом случае, социальная инновация может быть усвоена лишь в меру пластичности институциональной структуры (матрицы) элиты, где сохранение принципов построения и функционирования институтов (как ее элементов), формирующих элиту, это нормы ее развития или оптимальная траектория их движения, способная меняться при переходе к *метаорганизации*.

Анализ процесса институционализации элит позволяет выделить ряд базовых функций, которые он выполняет в основных сферах общества, это: координационная (компромиссно-консенсуальная или согласительная-примиренческая), интегративно-регулятивная, партисипативная (социально-управленческая), коммуникативная и эволюционная (проектно-стратегическая, развивающаяся). Помимо них при формировании институциональных механизмов, их запуске или сбоях в работе, могут возникнуть явные или латентные дисфункциональные последствия, требующие для лучшего понимания их *сценирования*. Типы практик в свою очередь дифференцируются по функциям, выполняемым ими в обществах определенного типа развития, наличию нормативных и девиантных (комплементарных) властных практик, корпоративных механизмов, по характеру, обусловленности их проявления, правового регулирования и т. д.

Корректное включение в практики ПРНИР мероприятий по осуществлению ПНП и отправление общественных функций элит федерации в нем, позволило выявить этапы и особенности интегрирования данной социальной группы в ожидания масс и новые требования власти. Особенностью в первом случае является то, что «наличие институтов и процесса институционализации не является спецификой политики и представляет собой частный случай более сложной антропологической реальности» [6, с. 21]. Сегодня – это, как никогда, острая потребность в *современном человеке*, россиянин – патриоте и гражданине. Он требует для своего самовыражения и развития более благоприятной среды. Особенностью второго плана предстал другой аспект реальности. Структурные реформы 2000-х гг., направленные на укрепление вертикали власти, не дали ответа на вопрос об истинной роли федерализма в стране, имеющем в целом иные, чем на Западе, условия для развития современного государства и общественного строя. Одновременно новой нации – *российский народ* – нужны и современные элиты в центре/на местах и граждане, активно участвующие в многообразии проявлений политического процесса.

Зазвучавший в них вызов заставил обратить особое внимание на структурно-содержательные аспекты институционализации элит, понимание которых требует разбора специализированного комплекса действий. Если это «определение и фиксирование ролей, связанных с осуществлением структурирования социальных (под)систем, определение правил их деятельности, контролем над их функционированием, авторитетным распределением общественных ресурсов и собственного воспроизводства посредством подчинения себе публичных инстанций» (А. В. Дука). То на

практике эти аспекты находят свое выражение в *деятельности элит, тесно связанных с государством*, обладающим преимуществами в структурировании политики, согласовании социальных интересов даже в условиях отсутствия должной межуровневой и межгрупповой коммуникации.

В независимости от предписаний той или иной методологии (в частности, рутинности практик и институциональных взаимодействий в видах институционализма) поиск *модели устойчиво позитивной деятельности элит* остается проблемой, как в теории, так и для практической политики. В ней он тесно связан с ценностями, рисками и ограничениями модернизации, особенно в ее политическом облике. Как и ПРНИР, модернизация требует консолидации усилий всей нации, соотнесения ее содержания со способностями и возможностями ее структур. Ибо когда отдельные из них в лице конкретных людей теряют интерес к общей программе развития, государство вступает на путь застоя. «Российским гражданам необходимо через политические реформы укрепить государство, но при этом задать политикам и бюрократам правильную мотивацию», а государство, в свою очередь становится движущей силой, «способной изменить мотивацию экономических агентов и одновременно стать фокусом модернизации» [2, с. 96].

Процесс реализации национальных интересов России в этом контексте, отстаивая значимость входящих в него идей и явлений, становится ныне регулятором поведения людей в их сплочении вокруг Конституции РФ. В ситуации неблагоприятной политико-экономической конъюнктуры это не упрощение задач, а взвешенная политическая позиция. Она реально способствует соединению ресурсного потенциала общества и власти на базе Основного закона, гарантирующего умеренно-поступательную линию эволюции социально-политических структур и форм «институционализации рационализации» – разделения видов их деятельности, ее нормирования с целью рутинизации организаций современного типа в центре и на местах.

От их способностей использовать консенсусные стратегии и правовые технологии властвования зависит возможность избежать насилия и двойных стандартов при проведении реформ, исключить издержки политизированного экстремизма и национализма. Продолжение структурных, нормативных преобразований в системе государственной власти и МСУ, в частности, связанных с развертыванием регламентов, законодательных актов и практик оказания государственных и муниципальных услуг, обрело «командность» и исполнимость задач в тех параметрах и с теми темпами, которые были заданы майскими (2012 г.) Указами Президента РФ [5].

Параллельно институционализация элит субъектов Федерации «столкнулась» с потребностями «новых» контр-элит, фронда которых на пересечении с экстремистами, предстала опасной и ограниченной. Они оказались «вытолкнутыми» историческим развитием, но организационно слабыми, чтобы претендовать на позиции авторитетного распределения власти и общественных ресурсов, способными узко влиять на структуру общественного мнения и видимость своих практик. Вне личностной и гламурной привлекательности этих групп, существо их активности можно оп-

ределить как дестабилизирующее относительно основных подсистем общества.

Их наличие лишней раз подчеркивает, что институционализация элит мерный (в пределах разумного) современный процесс с разнонаправленной внутренней динамикой и сложной конфигурацией акторов. Чья мера поступательности определяется интересами стабильного развития общества, безопасности государства и личности. Он идет путем рефлексии, сокращения социальных дистанций между элитой и другими группами социума, имеющими разную возможность ее коррекции, находит выражение в рационализации жизнедеятельности взаимосвязанных политических институтов, поддерживающих связь между личностью, обществом и государством. Отражается в эволюции образов, представлений, правил, норм и практик взаимодействия, закрепленных в политических традициях страны, и определяющих комплекс позиций и взаимоотношений элит субъектов РФ во внутренней и международной политике, несущих в себе *ценность сохранения и развития данной институции*.

Ее специфика сегодня – в адекватном структурировании текущей политики, определяющей тот тип участников и стратегий их поведения, что является действенным в соотнесении, как с глобальным рынком, так и с национальными интересами страны, в удовлетворении потребностей которых складывается новая модель институционализации политических элит РФ. Она в равной мере нуждается в смене вектора развития адаптационного потенциала элит и масс, такой их организации и коммуникации, что канализирует волю народа, сообществ территорий как проявление их достоинства в процессы рекрутирования в ряды элиты, ее легитимацию и преемственность поколений. Этим конкретные институциональные прак-

тики приводятся к своему логическому целому. Исполняются теми элитами и лидерами, для которых нет выше миссии, чем непосредственно и сопричастно проблемам людей осуществлять общественные функции в единстве их форм и содержания, времени и масштаба задач современной России.

В лице групп интересов она требует от действующих и становящихся, по сути, институтов власти *правильной*, по-новому продуктивной деятельности, приносящей не только «правила игры» и ориентиры участия в ней, но и реальные блага рядовым гражданам, стране в целом. Это означает, что современная модель институционализации элит страны, является не описательной, а практически-ориентированной, не просто на смену практик, а мышления и элит, и масс. Она исходит из оснований, факторов и заданных обстоятельств в рамках действующего государства с его стратегическими приоритетами. Обращена к тем системам общества, что могут быть модернизированы и потому, способными к *метаорганизации – коллективному созданию солидарного общества России и его инновационной элиты*.

То, что эти процессы в РФ, с трудом, но идут, свидетельствует: спрос на обратную связь государства и общества в стране растет. В сфере государственного управления запрос на проведение *эффективной внутренней политики* России (тем более в условиях санкций) не только вызрел, но и окреп. В этом плане новая модель институционализации элит (как носителей метаорганизации с опорой в их инновационном инструментарии на гуманитарные технологии) может формировать тематику корректирующих ее общественных дискуссий, чем данный текст с его научно-образовательными целями и ответами «вписывается» в их стратегию.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
2. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Политическая модернизация в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Либеральная миссия, 2012.
3. Дука А. В. Институционализация и социальное дистанцирование властных групп // Власть, государство и элиты в современном обществе / под ред. А. В. Дуки и В. П. Мохова. Пермь: НГТУ, 2005.
4. Казаков М. А., Лемкина Е. С., Савельева И. В. Гуманитарная перспектива национальных интересов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. (Серия: Социальные науки). 2011. № 4(24).
5. Казаков М. А., Савельева И. В. Институционализация региональных элит в процессе реализации национальных интересов современной России // Вестник Тамбовского университета им. Г. Р. Державина. (Серия: Гуманитарные науки). 2014. № 2(130). С. 182 – 187.
6. Кола Д. Политическая социология / пер. с фр. М.: Весь мир, ИНФРА-М, 2001.
7. Мельвиль А. Ю., Алексеева Т. А., Боришполец К. П. Политология: учебник. М.: МГИМО (Университет) МИД России, Проспект, 2010.
8. Региональные элиты Северо-запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
9. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
10. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 139 – 141.

Информация об авторе:

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 8-910-137-35-42, kazakov_mikhail@list.ru.

Mikhail A. Kazakov – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Applied Political Analysis and Modeling Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Статья поступила в редколлегию 10.11.2014 г.